

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, И. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Служить народу

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади Москвы 24 июля от начала до конца прошел под звуки песен. Можно сказать, что этот чудесный праздник молодости, здоровья и красоты был весь овеян песней.

Если завтра война, Если завтра в поход, — Будь сегодня к походу готов! Физкультурники одиннадцати братских республик Союза принесли на Красную площадь не только свою силу, ловкость и красоту, но и свое искусство.

Почему так любят песню советский народ? Почему в городах и колхозах, на фабриках, в шахтах, на колхозных полях, в семье и школе песня всюду стала желанным гостем?

Над этим стоит как следует подумать и писателям, и композиторам, и всем работникам искусства. Огромный успех песни — успех заслуженный и не случайный. Народ любит и ценит песню за то, что она помогает строить и жить помогать, за то, что песня реально и ошутливо служит делу народа, делу социализма.

Искусство, далекое от народа, не дающее ему ни радости, ни зарядки, никак не формирующее его сознания, никогда не будет любимо народом, каких бы формальных высот оно ни достигало.

Искусство, раздвоенное психологически, рефлексами, разлагивающее и высоемляющее туман в сознание, всегда будет отвергнуто массами, которые имеют здоровый художественный вкус.

Искусство, которое имеет здоровый художественный вкус, и напрасно пробуют отдельные жонглеры-формалисты и калугриники-вульгаризаторы спекулировать на огромной, небывалой в истории таге советского народа к искусству и литературе.

Алексей Максимович Горький в письме к писателю М. М. Зощенко писал: «Страдания — позор мира и позорно его ненавидеть для того, чтоб истрепаться». Народ — великий оптимист, и сила его оптимизма — в его непрерывном росте и движении, в его

бессмертности. Вот почему только писатель жизнеутверждающий, всем существом своим любящий нашу жизнь и умеющий радоваться этой жизни, может стать по-настоящему народным писателем.

Стахановцы, ставшие новые рекорды производительности труда, кривоносыцы, осваивающие новые методы кольцевой езды, летчики, совершающие героические полеты, — все это люди, живые и прекрасные люди нашей великой страны. И совсем не так просто человеку поставить новый всесоюзный рекорд или совершить героический подвиг — требуется большое напряжение и большая трата сил.

Но это отнюдь не значит, что только песни могут быть близки народу и любима им. Лирическое стихотворение и поэма, рассказ и роман, повесть и пьеса — все будет принято народом с благодарностью и любовью, если это будут произведения по-настоящему народные — понятные, мудрые, жизнеутверждающие.

В нашей литературе последние дни стали какими-то пысыками счастья и юмор, смех и шутка. А между тем эти жанры — наиболее любимые народом. И писателям надо обратить внимание на эту сторону.

Служить народу своим пером — дело очень почетное в нашей стране, но дело вовсе не такое простое. Эта служба, во всяком случае, не должна считаться легкой и безответственной любой другой советской службе.

А между тем не все писатели это дело конца осознали. Было бы смешно и нелепо, если бы директор какого-либо завода на деловом совещании вместо того, чтобы говорить о работе завода, стал болтать о том, как ему жмут ботинок или как у него болит зуб.

А между тем писатели нередко разрешают себе в своих выходящих по доброй воле, ничего не говорящей ни уму ни сердцу читателей.

Литература — дело народное, дело государственное. А народ хороший хозяин и дал отмену по делам своим и нерадивым работникам во всех областях. Писатель, не желающий и не умеющий служить народу, рискует остаться не у дел.

Тех кто, кто умеет и хочет служить народу всем сердцем, народ награждает любовью и признанием, неизанными в мире. Их книги расходятся в огромных тиражах, их пьесы горячо встречаются зрителем, их стихи становятся любимыми друзьями читателей.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади

24 июля, в Москве на Красной площади состоялся грандиозный всесоюзный парад физкультурников.

Ровно в 13 часов дня из Спасеских ворот Кремля выезжает открытая машина. Товарищи Косарев, Шверник и Зелников (председатель Комитета по делам физкультуры и спорта), стоя в машине, обещают фронт физкультурных колонн, приветствуя приготовившуюся к парадному маршу. Одновременно на левое крыло мавзолея

поднимаются товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Ежов, Димитров, Ширятов, Угаров, Булганин, Литвинев, Паланин, Громов, Чалов, Нонкинини. Бурными приветственными возгласами «ура» встретила вся площадь появление руководителей партии и правительства. С речами выступают секретарь ЦК ВКРМ тов. Косарев и секретарь ВЦСПС тов. Шверник.

Физкультурники, спортсмены всех республик страны победившего социализма, объединенные в дружную семью, рука об руку, счастливые и гордые за свое сегодня и уверенные в своем завтра, показывают расцвет нашей великой родины, успехи социалистического строительства.

Наша партия и лично товарищ Сталин, наше правительство и лично товарищ Молотов не перестают заботиться о воспитании физического здоровья, культурно развитого поколения людей сталинской закалки, энтузиастов социалистического строительства, способных высоко и крепко держать в руках красное знамя коммунизма.

Фаншты превратили физкультуру в мушкетеру, в средство подготовки к новым империалистическим войнам, в развлечение для буржуазной «золотой» молодежи. Фаншты уничтожают города республиканской Испании, Китая, расстреливают десятки тысяч гражданского населения, беззащитных женщин, детей, стариков, разрушают дома, школы, больницы, университеты, музеи.

Советские физкультурники активно борются за всеобщий мир. Это — передовой отряд и преданные друзья международного рабочего класса.

Советские профсоюзы объединяют наиболее многочисленные отряды физкультурников.

В распоряжении наших профсоюзов — сотни стадионов, спортивных площадок, лыжных баз, водных станций, десятки дворцов физкультуры и альпинистских лагерей.

Да здравствует наша социалистическая родина, путеводная звезда трудящихся всего мира!

Да здравствует партия Ленина — Сталина, организатор великих побед социализма! Да здравствует лучший друг физкультурников, наш вождь и учитель товарищ Сталин! (Бурные аплодисменты).

готовят десятки тысяч летчиков из среды нашей прекраснейшей молодежи. Мы заявляем всему народу, что наша молодежь оправдает заботу большевистской партии, советского правительства, оправдает заботу главы советского правительства товарища Молотова. (Аплодисменты, возгласы «ура»).

Советская молодежь и впредь пойдет за товарищем Сталиным, за большевистской партией, ни на шаг не отходя от партии, от товарища Сталина.

Мы пока что единственная страна социализма. Вась капиталистический мир против нас. Враг грозит нам войной. Вы все, повинуемо, читали на-днях сообщение в газетах о беседе японского дипломата с народным комиссаром иностранных дел Советского Союза. Мы, миллионы молодых советских людей, судьбой которых связаны с нашей страной, не можем пройти мимо угрозы японского дипломата. (Аплодисменты).

При первом вражеском выстреле мы просим советское правительство предостеречь нас — молодежь право проучить, по-большевистски проучить зарвавшегося врага. (Аплодисменты).

Мы гарантируем своему правительству, что против врагов, заставим их вежливо, с уважением, с почетом относиться к нашей родине, к любимой нами советской власти. (Аплодисменты, возгласы «ура»).

Некоторые представители иностранных государств, повинуемо, забыли, что Советский Союз это не северная Манчжурия. Нам грозит. Нам не запугашь. Мы к угрозе давно привыкли, а на силу ответим удесятеренной силой.

Наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия, руководимая первым маршалом Советского Союза товарищем Ворошиловым, находится в полной боевой готовности. (Аплодисменты).

Товарищи, эти заявления обязывают нашу молодежь с новой силой крепить оборону нашей страны, изучать военное дело, еще успешнее и еще в большем количестве готовить кадры Красной Армии, военных специалистов — артиллеристов, химиков, летчиков и других.

Укрепляя нашу армию, молодежь Советского Союза и впредь будет беспощадно искоренять врагов народа, троцкистско-бухаринских вредителей, шпионов и убийц.

Да здравствует, товарищи, наш великий, могучий советский народ! Да здравствует наша непобедимая Красная Армия!

Да здравствует наша непобедимая партия коммунизма — партия большевиков!

Да здравствует наш вождь и учитель товарищ Сталин! Ура! (Аплодисменты).

Успехи советской физкультуры заключаются прежде всего в том, что она является массовой, что миллионы трудящихся принимают активное участие в физкультурном движении.

Профсоюзы и впредь будут вовлекать широчайшие массы трудящихся, особенно молодежь, в физкультуру.

У профсоюзов имеются все условия, чтобы физкультурное движение было по-настоящему массовым, чтобы миллионы трудящихся постоянно через физкультуру укрепляли свое здоровье, готовили себя к труду и обороне.

Советские физкультурники, надежный резерв нашей славы Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, готовы на зов партии и правительства стать на защиту завоеваний социалистической родины.

Советские профсоюзы, руководимые большевистской партией Ленина — Сталина, воспитывали и впредь будут воспитывать миллионы физкультурников, пламенных советских патриотов, полных горячей любви и преданности к своей родине, к великому Сталину.

Да здравствует советские физкультурники!

Да здравствует наша социалистическая родина, путеводная звезда трудящихся всего мира!

Да здравствует партия Ленина — Сталина, организатор великих побед социализма! Да здравствует лучший друг физкультурников, наш вождь и учитель товарищ Сталин! (Бурные аплодисменты).

Парод начинается торжественным маршем колонн.

«Динамо», «Спартак», «Локомотив», «Торпедо», «Буревестник», «Темп», «Крылья Советов», «Победа», «Зенит» — одно за другим проходят спортивные общества. Идут железнодорожники, мукомолы, химники, металлурги, летчики, снайперы, парашютисты, пловцы, альпинисты... Через площадь проезжают целые поезда из цветов и зелени. Пролетают бронзовые и легкие парусники, пограничные заставы и водные станции.

Грузины вышли с изображением домика, в котором родился товарищ Сталин. Вся площадь сотрела на изображение дома, где провел свое детство великий вождь мирового пролетариата.

Перед глазами зрителей возникали — то пик снежной горы, то неистовое море, то нежный зеленый ковер южной степи... На движущихся рингах дрались боксеры, тяжелоатлеты бросали в воздух и ловили тяжелые гири, акробаты крутили сложное сальто. Откуда-то из глубины площади неожиданно вылетали на велосипедах целые аскарильи серебряных самолетов.

Спортсменов Узбекистана сразу можно отличить по загару. Их школьные тела подчеркнуты светлой голубиной шаровар. Верхняя часть тела обнажена. Каждая из наших братских республик имеет свой оплот: «Шветуша Украина», «Солнечный Узбекистан». Краски социалистической страны яркие и полновучны.

Под звуки национальных мелодий физкультурники Узбекистана изображают трудовые процессы строительства шлюзов и каналов. Они разворачивают величественную картину труда. Труд радостного и обязательного.

Шлоз построен — к сплему небу влетает алый вымпел. Высокий юноша повораивает штурвал, как бы пуская волну для орошения полей. Сто девушек с голубыми шарфами выбегают волнами из шлоза, создавая полное впечатление хлынувшей в каналы воды. На площади вырастает хлопков. Девушки пляшут с кустами хлопка.

Земляники! Работает мужская группа. На правой руке у каждого бойца — белая перчатка с краем. Не так давно этот вид спорта считался аристократическим. Спортсмены Узбекистана своим замечательным мастерством продемонстрировали, что они в совершенстве овладели этим видом спорта.

Речь тов. Косарева

Товарищи, молодые граждане великой страны социализма! Товарищи физкультурники, представители братских социалистических республик Советского Союза! Товарищи комсомольцы и комсомолки! Сегодня мы отчитываемся за свою работу перед нашим великим советским народом, перед нашим советским правительством. Скрываем труды своей спортивной физкультурной работы, показываемое здесь на параде, мы преподносим нашей непобедимой партии Ленина — Сталина и посвящаем своему отцу родному, любимому учителю товарищу Сталину. (Аплодисменты).

Товарищи, нас воспитывает советская власть, партия Ленина — Сталина. Народ советской страны с гордостью называет нашу молодежь сталинскими дитянами. Мы безмерно счастливы от того, что живем, работаем, учимся и боремся вместе с великим Сталиным, под его непосредственным руководством. Каждый из нас — молодых людей советской страны — силён величием товарища Сталина, мудростью большевистской партии. В ответ на заботу правительства и нашей партии о молодежи будем, товарищи, работать еще лучше, учиться еще успешнее! Мы — должники своего народа. Народ предоставляет нашей молодежи все — работу, учебу, отдых, развлечение, красивую жизнь. Давайте работать еще успешнее! Из среды многомиллионной советской молодежи в подарок родине подготовим, выучим десятки тысяч инженеров, техников, работников науки.

Сотни тысяч молодых людей города и деревни в связи с наступающей двадцатой годовщиной ленинского комсомола поднимут высокий технический уровень, свою техническую грамотность, в совершенстве овладеют своим делом; их станки, машины, агрегаты будут работать без простоев, без поломок, без аварий.

Молодые советские люди в честь двадцатой годовщины Ленинско-Сталинского комсомола берут на себя обязательство быть передовиками любого дела, на которое нас поставил народ, наша партия, наше правительство, — будь то работа в шахте, в колхозе, совхозе, на заводе, фабрике, в советском учреждении, в лаборатории, в научно-исследовательском институте.

В подарок родине мы берем на себя обязательство и по-большевистски выполняем это обязательство! — быть передовиками в учебе, в начальной, в средней, в высшей школе, в изучении всех наук, в изучении техники и искусства.

В подарок родине в связи с двадцатой годовщиной Ленинско-Сталинского комсомола мы обещаем товарищу Сталину под-

Речь тов. Шверника

Товарищи физкультурники, физкультурницы, участники московского физкультурного парада! Передаю вам пламенный большевистский привет от 22-миллионной армии членов профсоюзов.

Сегодня физкультурники, спортсмены, молодые рабочие, работницы, служащие, инженеры, техники, участвующие в московском параде, демонстрируют свою силу и здоровье, свою готовность к труду и обороне, любовь и преданность своей родине, коммунистической партии и лучшему другу физкультурников, вождю народов СССР и международного рабочего класса великому товарищу Сталину. (Бурные аплодисменты).

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади в Москве 24 июля 1938 года. На трибуне мавзолея (слева направо): товарищи Г. М. ДИМИТРОВ, А. И. МИКОЯН, Л. М. КАГАНОВИЧ, К. Е. ВОРОШИЛОВ, И. В. СТАЛИН, А. А. АНДРЕЕВ, В. М. МОЛОТОВ, М. И. КАЛИНИН, Н. И. ЕЖОВ.

Открылась Первая Сессия Верховного Совета Украинской ССР

Председателем Верховного Совета избран тов. Бурмистенко. Заместителями — гг. Корнейчук и Радченко.

КНЕВ, 25 июля. (ТАСС). Сегодня в Киевском театре им. Ивана Франка в торжественной обстановке открылась Первая Сессия Верховного Совета Украины.

Аплодисментами встречают депутаты и гости появление в зале тов. Н. С. Хрущева, руководителей КП(б)У и правительства УССР.

Депутат З. Т. Сердюк вносит предложение поручить открытие Первой Сессии Верховного Совета УССР старшему депутату, заслуженному деятелю науки, профессору Харьковского государственного университета Дмитрию Матвеевичу Сипчову.

Депутат Сивков открывает Сессию. Депутат Сивков вносит предложение из-

1.
Поэма С. Васильева «Детство» начинается поступлением героя Алексашки в батраки и кончается его уходом в Москву на заработки. Между этими двумя событиями происходит следующее: объявлена мобилизация, Тихон, брат Алексашки, не желая идти на войну, кончает жизнь самоубийством. Отец с гора пропавает только что купленные для Алексашки сапоги. Мальчик в отчаянии разбивает стекло у волостного старшины, который кажется ему виновником рекрутского набора, а следовательно и смерти Тихона. Васильев описывает пребывание Алексашки в батраках, подробно рассказывает о его работе, о юности, о родных. Но, показывая тяжелый, мрачный быт предвоенной деревни, Васильев почти нигде не сворачивает на внешние правдоподобные, а по существу близорукое и натуралистическое описание. Он совершенно правильно подчеркивает именно те моменты, те черты, которые носили в себе зародыши нового. Во-первых (особенно в характере Алексашки) протест против окружающего и, во-вторых, страстную привязанность Алексашки к жизни, неизменно крепящую, несмотря на всецелые горести и тяготы. В этом отношении особенно ярки переживания начало и конец поэмы. Долгожданное и светлое событие в жизни Алексашки — покупка сапог — дано в поэме очень подробно, можно даже сказать — торжественно. Мечты Алексашки о сапогах, его сон, в котором опять-таки фигурируют сапоги, самый момент получения подарка и, наконец, лирический восторг, который Алексашка испытывает, не снимая обложки, — все это вместе взятое звучит бодро и жизневажно. Но жизнь разрушает эту первую мальчишескую радость. Алексашка, усталый и несчастливый, заходит, наконец, вечером в сарай отобрать сапоги, потому что: «сапоги не пойдут!»: Не купят теперь. Может, года четыре подряд... И наткнется на холодное тело Тихона. Брат висел на плетнях И длинных вожжах; Алексашка Притнулся над ним, И уже ни сматывал, Ни боль и ни страх Не выдался Ни капельки им. Нужно было не дать Совершиться греху. Упираясь спиной в колышко, Он хотел приподнять Его так, чтоб сверху Хотел вмигом Ослабить петлю. Алексашка не струсил, не растерялся, он сразу сделал именно то, что могло помочь брату. Характер Алексашки раскрывается еще в двух эпизодах: в первой главе (история с гусяком) и в конце третьей — там, где Алексашка мстит за брата. Но в последнем случае это сделано более нарочито и стало быть менее убедительно. В эпической поэзии приняты отступления. Они подчас бывают необходимы для лаконичности, для экономии времени и места. Маленькое эпическое отступление, открывающее вторую главу поэмы, заменяет собой описание трех лет батрацкой жизни Алексашки. В тридцати лирических строчках Васильев удалось показать ту серьезность, ту полноту психологическую характера Алексашки, которые он не всюду сумел подчеркнуть в чисто эпических частях поэмы.

2.
При оценке всякого произведения, прежде чем говорить, нравится оно или не нравится, надо спросить себя: вершишь ли ты вершишь автору? При отрицательном ответе никакие отдельные достоинства вещи не могут ничего ни оправдать, ни спасти. Наоборот, ответ: верю — сам по себе уже предполагает и положительную эстетическую оценку, ибо верить художнику — значит не только верить в правдивость его идеи, но и считать, что она воплощена в его вещи. Если задать себе этот вопрос при оценке поэмы Васильева, то, конечно, ответ будет утвердительный. Да, поэма правдива, и мы верим почти всему, в ней происшедшему. Если бы не заключительная часть второй главы, не было бы и этого досадного слова «почти». Равнодушной скоромноркой Васильев повествует, как Тихон, работая на шахте, познакомился с бунтарем Афанасием. Чрезвычайно шаблонно звучат строфы, повествующие о том, почему Афанасий стал революционером: Но куда бы дорога его ни вела, Вспулая зала вставала черта: По одну ее сторону — роскошь была, По другую — Была нищета. Не менее примитивна и прямая речь самого Афанасия: Говорил Афанасий: — Какого рожа Нам в потемках По свету кружить? Темнота-то, Кому она, братцы, нужна? Кто хозяев должны Сокушать... Тихон обещает эту «бесовую запретную вещь» как святое оружие братьям. Всегда за этим Васильев сообщает читателям, что И сберег бы шахтер Эту клятву навеки, И в большое бы Стасье проник, Да по-разному Сироем, вилать, человек, — Прежде времени Тихон поник. Из последующего мы узнаем, что поэт этим «споник» автор подразумевает самоубийство Тихона. Попробуем разобраться: что дает читателю это отступление? Об Афанасии рассказано хотушно и небрежно, тут нельзя говорить даже о попытке создания образа революционера. Несколько нецензурных строк о Тихоне, о том, что он «неизвольным словом тревожится сталь», так же никакого образа не создают. За исключением 8 строк, где говорится, что Тихону казаться казалась тюрьмой, все заключение второй главы можно было безболезненно изъять. Что же заставило Васильева включить в поэму это неудачное отступление? Это вопрос принципиальной важности, тут дело не в дурном вкусе, тут мы сталкиваемся с явлением, достаточно распространенным в нашей поэзии: поэт сказал все, что он хотел, он советский человек, и поэтому он сказал правдивые и прочувствованные вещи, но вдруг его начинает грызть червь сомнения. Достаточно ли ясно он выразился? Все ли написано? Не надо ли что-то прояснить, разъяснить? И поэт вступает в свое произведение одну или несколько абсолютно правдивых и более или менее удачно зарифмованных деклараций, в которых само произведение ни в какой мере не нуждается. Поэт иногда опущается, что вещь слегка испорчена этими декларациями, но ему кажется, что «так надо». Между тем общий тон произведения его внутренняя направленность отлично доходят до читателя и без декларативных подпорок. Казалось бы, это простая истина, однако, многие писатели и поэты ее слишком часто забывают. Васильев допустил ошибку, до некоторой степени испортившую, но не обесценившую его в целом хорошую поэму. И надо надеяться, что читатели будут судить о ней не по отдельным неудачным строчкам, а по ее общему звучанию.

К. СИМОНОВ
«ДЕТСТВО»

Г. ШТОРМ
«ГЕНЕРАЛ ВПЕРЕД»

Шестью тупеющих орудий громит песчаную отшель Кинбургу. На русскую землю высаживается пятитысячный вражеский отряд. — Сегодня день праздничный: Покров, — говорит Суворов, — пойдем к обеду. Пусть их вылезают. Он выжидает, пока высадятся все тупеющие силы, чтобы нанести им сокрушительный удар. И вот распахиваются ворота крепости, из них выбегает в штыковую удар пехота; козачья лава обрушивается на флажки турецких пехи. Сухощавый старик, верком на коне, ведет за собой эту людскую бурю. Его седые редкие волосы заплетаются на затылке в косичку. Его движения молниеносны. С тонкой силой шпажонки бросятся он на самых рослых янычар. «В боку пушечная картечь, — пишет он спустя несколько дней своей «Суворова» — дочери Наташе, — в левой руке от пули дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрелили... Как же весело на Черном море, на Лимане! Везде поют лебеди, утки, кулики...» Человеком безграничной смелости и неиссякаемой бодрости духа рисует Суворова К. Осипов — автор книги о великом полководце, выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей». Таким был и в действительности этот гений русского военного искусства. Книга Осипова — документальная биография. В ней нет ничего выдуманного. Ее материал говорит сам за себя. Картины исторических битв сменяются одна другою. Туртукай. Фокшаны. Рымник. Кинбургу. Очаков. Героический штурм Изамаля. Война в Италии. И, наконец, легендарный Швейцарский поход. Военное «счастье» всюду сопутствовало полководцу, ибо его огромные дарования стратега, тактика и воспитателя солдатской массы обеспечивали эти успехи... Подготовилось наступление на город Туртукай. Ночью, во время набега, турки узнали о притоплении в атаке. Но Суворов не потерял преимущества напасть внезапно: он принял решение произвести атаку в эту же ночь. В своих диспозициях он говорил: «...подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твердости гг. командиров». Слова эти в первую очередь относились к нему самому. В битве при Фокшанах он вел свою колонну в обход леса. Пятнадцатитысячная турецкая конница зашла на подступы к нему. Совершенно неожиданно он изменил направление и пошел напрямик — через болота. В результате этого труднейшего маневра русские появились там, где их вовсе не ожидали, и нанесли туркам удар по фланг. В 1789 г. к местечку Рымнику была стягнута стотысячная турецкая армия. Турки намеревались разбить сначала союзников России — австрийцев, а затем бросить все свои силы на русские войска. Командовавший австрийской армией принц Кобург «почти кричал караул». Суворов с семитысячным корпусом поспешил на помощь. 24 тысячи человек вынуждены против 100 тысяч. Суворов принял решение: разбить четверо сильнее врага и — разойти. Союзники высоко оценили Суворова и его солдат. Один австриец заметил, что «они стоят, как стена, и все должно пасть перед ними». Но и Суворов узнал цену союзникам. Когда после Рымникова боя разгорелся спор из-за захваченных пушек, он сказал: «...и в словах его не было никакого бахвальства — «Отдайте австрийцам; мы себе еще достаем, а им же выдать»». Тот, кто сражается со мной, становится мертвым, — говорил он. Это была одержи-

мость волею к победе. Она помогла войскам творить чудеса. Одним из таких чудес явился штурм твердыни Изамаля. С голодной и разнутой, но воодушевленной и беззаветно храброй армией Суворов взял неприступный Изамаля. Екатерина II нашла эту победу «делом едва ли еще в истории находившимся». Но редкость, которую Суворов позволил себе по отношению к Потемкину, лишила героя заслуженной награды. Временщику же, не имевшему пороха в этом жарком «деле», начал сооружать обелиск в Парском Селе. Суворов жил в эпоху, когда беспримерные боевые заслуги значили меньше, чем невольство фаворита. Генералитет и придворная знать предпочитали видеть солдата, «везде стланного и заданного», так что «ни стоить, ни сидеть, ни ходить покойно ему нельзя». Они предпочитали, чтобы он оставался безграмотным и забытым и «был вдобавок бесправным: как нижний чин и как рабов». «Что особенно ценно и дорого в Суворове, — говорит Осипов, — это его постоянная старания пробудить в русском солдате «живую душу», развить в нем чувство любви к родине, чувство национальной и личной гордости». Суворов воспитывал в солдате способность к подвигу и самую жажу подвига, сознательное отношение к своим обязанностям. «Каждый воин, — настаивал он, — должен знать свой маневр». Все это было весьма непохоже на окружающую действительность. Чтобы провозгласить твердо взятым ни линию, он нашел только одно средство: прикинуться чудом. Но «чуда» как бы не было, ни чудачества, ни побед ему не прошли. Его гений далеко опередил военную мысль своего века; он издался лад диспозициями, составленными в тиши кабинетов. У него было вздох врагов. Его, овеянного славою, засылали в Астрахань, в Казань, «собрали на подрядчика» — принуждали строить укрепления по Финскому и крымской границам. Вельможи заставляли его глотать «купоросные пилюли», послали его «буто из облака». И Суворов в отчаянии вылезал из Крыма к Потемкину: «Перемените мне воздух, увидите еще во мне пользу... Найдите мне способ здохнуть попольтот... жизнь пресечется — она одна...» Воцарение Павла принесло Суворову опалу и ссылку. Ничего другого он не мог ожидать от полководца прусской палочной муштры. Новый армейский порядок Суворову был ненавистен. Он говорил: «Русские прусские всегда бывали, что же тут переменить?»... Мирное имя его помогло ему возвратиться к полям сражений. Но настоящие главы английского правительства — Питта — его послали в Италию против революционных французских войск. Со стороны России это был шаг, соответствующий ее роли «жандарма Европы», которую она стала играть, начиная с последних лет царствования Екатерины II. При Павле роль эта еще более определялась. При нем произошел незначительный, но весьма характерный эпизод. В самом конце XVIII века прусское правительство очутилось в затруднительном положении. Оно вдруг заметило, что на его территории нет достаточно сурового места для ссылки преступников, и обратилось за помощью к ряду европейских держав. Все запрошенные державы от оказания помощи уклонились. Только одна крепостническая Россия согласилась предоставить Сибирь для прусских осужденных, после чего их начали транспортировать до Нарвы и оттуда — на Черниговские рудники... «Генерал Вперед» — так назвал Суворона командовавший австрийскими силами в Италии Мелас.

Горький и фольклор
Ленгослитиздат выпустил второе, дополненное издание книги Н. Диксанова «Горький и фольклор». Для этого издания автор заново перестроил текст Горького, помещенные в последнее издание (1932—1934 гг.) под редакцией И. А. Груздева, статьи, вошедшие в сборник «О литературе», а также статьи, зарегистрированные в библиотеке после 1934 г. Пересмотрена опубликованная в печати и незаданная переписка Горького, а также мемуарная литература о нем. В книге девять глав: 1. Собрание Горького фольклора в народной среде. 2. Русский фольклор в произведениях Горького. 3. Русский народный быт. Народные искусства. 4. Фольклор народов СССР. Революционная песня. 5. Изучение Горьким фольклористики. 6. Влияние фольклора на творчество Горького. 7. Пропаганда фольклора. 8. Фольклор в системе воззрения Горького. 9. Фольклор, народная история и новый героический эпос. Две последние главы — совершенно новые. В предисловии к этому изданию автор дает краткую историю работы над этой книгой и указывает глаголы ее от первого издания, выпущенного Гослитиздатом в 1935 году. В книге дан портрет Горького. Тираж ее — 10.000 экз. Цена — 2 руб. 25 к. в переплете.

Новая книга о Некрасове
Небольшая литература о Некрасове, ожидающая еще своего исследователя, обогатилась книжкой В. Евгеньева-Максимова «Некрасов в кругу современников». Исследование работы на семь глав, в которых показаны взаимоотношения поэта с Горьким, Львом Толстым, Гершелем. Добродушным и Глебом Успенским. Последние две главы посвящены революционным связям в знакомом Некрасову. Следят петрашевцы, Великий, Михайлов, Чернышевский и Зайцев; переписка Некрасова с политическими ссыльными — Д. Гирсом и Н. Ядринцевым и, наконец, письма Некрасова за последние месяцы его жизни к Ефремову, Шипину, Боровиковскому, и Малоземову. В книге собран огромный материал, позволяющий раскрыть облик одного из любимых поэтов советской страны. В предисловии к книге автор указывает на «немалое количество ошибок» в своих ранее вышедших «четыре книги о Некрасове», а также в статьях и брошюрах о поэте. Книга издана тиражом в 5.300 экз., цена не высока — 3 р. 75 к.

Новая книга Янки Купалы
«Избранные произведения» открывают широко известным стихотворением, посвященным товарищу Сталину, «Тебе, наш учитель». Первый раздел — стихи 1905—1916 годов, второй — стихи 1918—1936 годов и третий — поэмы. «Избранные произведения» представляют большим количеством переводчиков, среди которых Э. Вагрик, В. Бровос, Мих. Голыцкий, С. Горюнов, М. Исакоский, О. Колычев, Н. Сидоренко, М. Светлов. Вступительная статья и редакция сборника — Ев. Мозольева. Цена книги 9 руб., тираж 10.000 экз.

Четырехтомник Шекспира в издании Детиздата
Детиздат издает избранные сочинения Шекспира в четырех томах. Вышел на печати первый том, под редакцией, с вступительной статьей и комментариями А. А. Смирнова. В первом томе напечатаны «Гамлет» в переводе М. Л. Лозинского, «Макбет» в переводе С. М. Соловьева и «Король Лир» в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник.

К. МИРОНОВ
Об исторических и псевдо-исторических романах

Осуществивший первую в истории человечества социалистическую революцию, борющийся за общечеловеческие идеалы русский народ имеет свою историю, которую он должен знать и которой он вправе гордиться. Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно; не уважать отцов — это постыдное малодушие, — писал Пушкин. Историческая тематика закономерно заняла видное место на столбах газет и журналов. К сожалению, однако, в широком потоке сочинений на исторические темы можно выделить лишь очень немногие таковые, которые отличались бы высоким качеством. В этой статье мы хотим коснуться двух наиболее объемистых исторических произведений, появившихся в последнее время.

Екатерины. Описывая смерть Елисаветы, он сообщает, что — Екатерина «впадала в колыбель, с искренней горечью припадала к ее груди». Не надобно иметь особенно глубоких познаний по истории, чтобы отнестись весьма скептически к искренности царственной комедийки. Не только Екатерина, но и все ее окружение изображается автором в таких же приподнятых, лирических тонах. Авантюрист и заступник Григорий Орлов представлен рыцарем без страха и упрека: «Возлюбленные гости невольно залюбовались и его великодушью, как изваяние гениального скульптора, фигурой, и величественной поступью, и красиво очерченным, вызывающе-смелым, выразительным лицом. Они были влюблены в Григория Орлова, и гости и братья его. Всегда веселый, решительный, справедливый и щедрый, он был любим и почитаем также и солдатами». Удивительно щедро расточает автор похвалы Орлову, забывая от восторга добавлять, что братья Орловы владели 27.000 крестьян, которым жилилось очень несладко. Подстать Екатерине изображена и Елисавета: «Наша волька гибнут в прусской войне тысячами. У государыни Елисаветы слезы не просыхают от наших потерь». Это говорит Орлов, но автор не комментирует и не опровергает его утверждения. Итак порочная концепция автора ясна. Петру III, который является в романе средоточием всех зло и который награждается даже такими на грани лиричности стонами эпитетами, как «неденокос-парь», — противопоставляется Екатерина, а отчасти и Елисавета. По мере развития романа, В. Шинкова начинает относиться к Екатерине и ее фаворитам более критически, но у читателя уже сложилось определенное впечатление и победить его автору не удастся.

Вот этих специфических условий крепостнической России автор не показал с достаточной наглядностью, хотя размеры романа предоставляют полную возможность для этого. Вместо того, чтобы показать читателю «корень вещей», автор довольствуется описанием интригантизма и неспособностью высшего генералитета, и в который раз рассказывает анекдоты о придворных нравах и соперничестве генералов. Историческая обстановка показана в романе неубодно, через призму дипломатических конфликтов и «селиковских» интриг. Эта поверхностность исторического анализа толкает автора иной раз к очень легкомысленным утверждениям. Так, описывая разведку перед Севастополем парохода «Кардола» с союзными генералами, Сергеев-Ценский со всей серьезностью заявляет: «Русский флот мог бы выйти из бухты на охоту за дерзкими согластками и тогда не было бы, может быть, той войны, которая носит в истории название Крымская». Вот уж, поистине, замечательное суждение: потопили бы двух-трех генералов, и война бы окончилась! Другой крупный дефект романа состоит в том, что автор редко опускается к широкому народному массам. Это — роман о генералах, а не о тех, кто на самом деле вынес на своих плечах всю тяжесть неравной борьбы. Если действие происходит не в императорском дворце и не в ставке Меншикова, то центральными персонажами все-таки являются высшие офицеры, либо офицерские семьи. Конечно, фигуры Нахимова, Истомина и других заслуживают того, чтобы на них останавливаться, но когда они заполняют все полотно, и только где-то в уголке видны бледно очерченные контуры лица «простого народа», получается явное несоответствие пропорций. Открытие «Севастопольского рассказа» и вы увидите, что Толстой умеет показывать своих героев на фоне солдатской массы; она дышит и живет в каждой строке его повествования, и потому органически естествен тот вывод, который делает Толстой: «Надого оставить в России великие следы эта эпоха Севастополя, которой героем был народ русский. Прочти роман Сергеева-Ценского, это никак не скажешь. Не говоря уже о почти вовсе отсутствующем народе, даже солдаты показаны на ходу, между прочим, и притом в каком-то странном аспекте: как правило, они отодвинуты на задний план блестящими фигурами генералов, а когда и появляются на сцене, то лишь срывают своей растерянностью четкие генеральские распоряжения. Так, генерал Соколовский, видя, что его атака могла бы быть сокру-

странной того, как автор, притупая к работе над исторической тематикой, недостаточно четко представляет себе цель и методы своей работы, недостаточно глубоко вздумывается и «живьется» в материал и в результате пишет весьма посредственную вещь, далеко не отвечающую его возможностям. Перейдем ко второму, не менее «фундаментальному», произведению. Речь идет о романе Сергеева-Ценского «Севастопольская стража». — Это более зрелая и отглаженная вещь, чем роман Шинкова. Сергеев-Ценский добросовестно пропудровал источники и не делает таких лягушков, как Шинков. Он не объясняет крупные события случайным поворотом настроения правителя, но дает краткий (хотя и не всегда бесспорный) анализ их экономической и политической подоплеки. Рассыпанные в романе «исторические» анекдоты — от остроумия князя Меншикова, о снятии Николаем I антидипломатической пьесы в Париже и т. д. — вкраплены в повествование умело. Батальные сцены сделаны в ряде случаев очень увлекательно. Ряд эпизодов — например, затопление у входа в бухту военных судов — отчетливо запоминаются. В романе повествуется о технической отсталости армии, о нераспорядительности николаевской администрации, которые послужили одними из главных причин поражения России в этой войне. Но наряду с этим автор показывает, что и руководство союзников было далеко не на высоте положения, что и там «нижние чины» платили кровью за ошибки главнокомандующих Сент-Арно и Раглана. Все вышесказанное свидетельствует о том, что к своему роману Сергеев-Ценский подошел добросовестно, и роман во многом удался ему. Но увы! Далеко не во всем. Он также не свободен от недостатков — и притом очень крупных. Причины, обусловившие поражение русской армии в Севастопольскую кампанию, были четко сформулированы Евгеньевым: «Не меч и выстрел неприятеля, не болезнью, из которой нельзя избавиться во многих частях Южной России, не необходимости длинных переходов, столь отсутствующих русской армии, а те особые условия, при которых русский солдат вербуется, муштруется, марширует, обучается, кормится, одевается, расквартировывается, управляет и сражается, обуславливают тот ужасный факт, что почти вся русская армия, имевшаяся налицо в 1853 г., уже истощала а лица земли, вызвав у своих противников не более трети ее потерь». 4 «Октябрь», 1937 г., № 7, 8, 9 и 1938 г. № 1, 3. 5 Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. X, стр. 546.

Мы остановились на романе В. Шинкова потому, что он может служить яркой иллю-

1 «Лит. совр.», 1935 г. № 4 — 2-6. 2 Маркс и Энгельс. Сочин., т. XVI, к. II, стр. 14. 3 А. Пушкин, изд. Гослитиздата, Одесса, 1936, стр. 660.

Две липы у окна. Они развелись вместе под теплым ветром...

Сказки, ну как могли бы мы друг без друга жить!

ВЕЧЕРОМ

Вечерний свет звезды мерцает в вышине. Задумались сады.

но он бемал но мне стокор тысяч лет, а вам едзды-то час, и долго ли собраться, а нет чтоб догадаться приехать вот сейчас.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТЬИ КОРОЛЕНКО

В архиве музея Короленко обнаружены черновые наброски статей о литературе, относящиеся ко второй половине 80-х годов.

пример, хотя бы порнографическая литература) или же вы почувствуете только, что у вас трещит голова, что вы увлекаетесь в область душевного тумана и слякоти, от которой ваш умственный взгляд туманится и слабеет...

Может ли истинно художественное произведение быть безразличным? Я думаю, вы согласитесь со мною, что не может. А может ли безразличное произведение разлагать душу, быть художественным? На этот вопрос многие отвечают положительно.

Эстетические требования от художественного произведения — в сущности сводятся к требованиям элементов, оздоравливающих и укрепляющих душу, подвигавших к положительному действию...

Как бы ни была горька истина — художник должен дать ее, но дать в отражении. Он должен быть чист, присягнув разврату и описанию разврата в душе читателя...

В чех достоинство такого таланта, — спрашивает Короленко, — является ли художественное произведение? Вы скажете, пожалуй, что у свободного творчества нет цели.

«И наука и искусство не могут иметь иной цели, как только благо. Это вообще. В частности наука стремится достигнуть этого блага воздействием на внешние отношения — искусство имеет конечной целью, вводя материал в душу человека, расширить ее, укрепить, сделать более устойчивой в борьбе, более способной к деятельности совершенству...»

Далее Короленко переходит к обсуждению вопроса о соотношении положительных и отрицательных моментов в произведении.

А. ДЕРМАН

В. Г. КОРОЛЕНКО

В июле 1911 года, в самый разгар военно-полевой столыпинщины, когда газетный лист, что ни день, приносил помимо «обычного» списка повешенных, сообщение в новом реакционном мерзоприятии царского правительства...

делая своевременно эту работу, что... может быть, дескать, если бы все-таки кинули этот ужасный материал в надлежащий момент, то это могло бы хоть отчасти уменьшить эти распухшие, как эпилепсия, повседневные мучительства... Конечно, глупо. Но так как от этого не отделаться, то делать ничего.

Это письмо для биографа Короленко поистине драгоценно. Мало сказать, что оно дает возможность сразу схватить общий рисунок моральной личности писателя и почувствовать ту атмосферу действительности, в которой проходила его работа.

На протяжении всей своей писательской деятельности Короленко не раз приходилось выслушивать сожаления о том, что чисто художественным творчеством он то и дело поступает из-за текущей злобы дня, что он «раменывает» свой великодушный талант на «мелочи»...

Пропло уже около недели со дня приезда Сергея Краченко в Киев, но поэтическое чувство новизны и предельности, охватившее его в тот момент, когда, выйдя из вагона, он увидел великолепную Безавосскую улицу и окна многоэтажных домов, зажженных утренним солнцем...

Анна Михайловна снимала две комнаты в маленьком одноэтажном доме на Жилинской улице. Дом стоял в середине фруктового сада. Яблони и груши с толстыми искривленными стволами, устав догале года держать на весу свои могучие тяжелые ветви, тянулись к земле...

Дом принадлежал Софье Андреевне Тудученко, толстой и высокой женщине с седыми волосами. Софья Андреевна овдовела много лет назад, муж ее, военный врач, был сослан в Сибирь за участие в народольковском кружке и умер там от туберкулеза.

Ветером Сергея повели знакомиться с Софьей Андреевной и жилищем. В комнате Софьи Андреевны на стенах висели рисованные Стахом портреты Некрасова, Шевченко, Миткевича, Максима Горького. На столе шумел огромный медный самовар с вытканным боком и толстой напольной приная у основания крапа.

— Как вы чувствуете себя? — спросил Вертер. Вот так шли на виселицу за народную волю.

Со столом сидели почти все жильцы Софьи Андреевны. Знакомых с ними, Сергей краснея, говорит описным голосом и образовало, когда прерванный его прихотливым разговором, возобновился. Софья Андреевна посадила Сергея рядом с собой и, углубя его прирагом с капустой, тихо рассказывала, как перед 1905 годом у нее собралась конспиративный социал-демократический комитет, и годичные комитетские собрания шли в горы пригорок с капустой и как приехавший из Петербурга член ЦК поздравлялся с ней, сказав: «Банки пригорок знамениты теперь по всей России, и о них слышал и в Туле и в Петербурге».

Потом она рассказала, что лютантальт лет тому назад у нее скрывался знаменитый землевладелец, которому угрожала виселица.

Со столом говорили о многих предметах, но все время разговор возвращался к делу Бейлиса, приеду царя и Столыпина в Киев, предстоящему еврейскому погрому. Красавец Стах стоял в толпе на Безавосской улице и видел, как проезжал в коляске царь со свитой.

«Я тоже видел», — смеясь сказал политтехник Воронец, — рядом со мной стояла баба одна, торговка с Галицкого базара, должна была, она какого-то чернобородого ветника за царя приняла, как зарюпт: «Вот, вот он!» — точно вора уличила.

Его начали упрашивать декламировать стихи, и он вышел на середину комнаты, расставил ноги, потрясал себя за зуб и начал читать. Мягким тихим го-

лосом, нарасспев, глядя на носки своих сапог он декламировал:

И не поеме батьку с сином, Не скаже синов: «Мотей, Мотей, сину: за Бірюню Ного замуцкиаю котісь».

Равнодушным, разговорным голосом, поводя плечами: — Мені однаково, чи буде Той сні любу, чи ні!

И в этот по лицу его прошла улыбка, угол верхней губы задергался, обнажая зубы, и полным неподдельной ярости голосом, уже не декламируя, он закричал, подним кулак.

— Та не однаково мені Як Україну злі люди Приспаять дукави, і в оші І окраденку збувають...

— Ок, не однаково мені! Он сейчас же сел на таху и вытер рукой лоб. Все зашумело, выразил одобрение.

— Скажешний темперамент у тебе, серденько! — восхищено сказала Софья Андреевна. — А кто эти люди? Моей маме в Москве эти люди.

— Барен, армяне, поляки, Бейлис, — перебил Гриша. — Так, что ли? — Любда насмешливо глядел на Гришу.

— Чего же молчать, так, что ли? — тонким от влюб и волнения голосом снова спросил Гриша.

— И они, но не только они, — спокойно сказал Любда.

— А я уже сказал, — проговорил Любда, — все иностранцы, живущие на нашей Украине.

— Значит и я, и мама? Любда рассмеялся и махнул рукой.

— Что вы, Гриша, так горячитесь, вы ж знаете, как я к вашей маме и к вам отношусь.

— Но это не ответ... — Годи, годи, — морщась сказала Софья Андреевна: — давайте засынаем.

— И вот, пойді три криниченьки... — Любко козак три дівчинокки... Все бывшие в комнате сразу подхватили:

— Чорняву, та я бляву, третю руду та й погану... Сергей невольно подлился слабости хора.

«Пелі красиво, грустно, протяжно, иногда так тихо, что слышно было нытьице самовара, иногда с такой силой, что воробы перелетали с веток над открытыми окнами, на вершину дерева, удивленно и недоверливо поглядывая вниз. Пелі без отвала и едва заканчивали одну песню, как начинали другую».

«Спели «Три криниченьки», потом старинную «Як вербо, вербо, де ти зроста?». Потом: «Як у полі та я жеңці жути», «Сонце низенько», потом с середины «Ой вернеться ще цюліцко, ой вернеться весна».

Сергей слушал без скуки, и чем больше пели, тем милей и лучше становились для него эти новые знакомые. Все они казались людьми умными, добрыми, интеллигентными, и у Сергея было такое чувство, что он всех их давно знает, привик к ним, любит их, и расширяющемуся кругу знакомств Гали Соколовскую, и седую Софью Андреевну, и красивого Стаха, и плетистую репентную фальшерницу Доминику Федоровну, коверкавшую украинские слова — она произносила их полонезскими, на «о», к даже Любоду, вычале показавшегося фанатично ужим, а сейчас с улыбкой, полузакрыт глаза,

по-детски старательно выходящего: «Види до мене, мое серденько яснее, хоч на хвилочку в га...»

Сергей начал подпевать, а Софья Андреевна и Воронец тотчас заметили это, закричали ему и одобряюще улыбались: «смейся, смейся».

Вот так вся жизнь пройдет легко и покойно в этой уютной комнате с низким потолком, среди хороших, скромных, бедно одетых людей. И в эти минуты, казалось, не было на свете таких людей, на которые стоило променять эти открытые маленькие окна, ветви деревьев, желтый бой самовара, освещенный вечерним солнцем, тахту, покрывату пестрым украинским ковром.

В то время, как начали петь «Віють вітри, віють буйні...», в комнату вошла девушка и села рядом с Софьей Андреевной. Это была Олесь Соколовская, младшая дочь «батьки». Сергей посмотрел на нее и сразу краской покрасел его лицо: вешаясь он заметил на себе выматывающий, понимающий взгляд Воронца и еще больше покрасел. Красота девушки так поразила его, что он не мог, несмотря на смущение, не смотреть на нее. Он даже растерялся от внезапности произошедшего с ним, — такое чувство смущения бывает у человека, оступившегося и смеясь, неуклюже упавшего. И как оступившийся человек старается бесшумным смехом замаскировать от прохожих свое смущение, так Сергей, стараясь скрыть невольность перед самим собой, начал пошариваться.

— Бац! — повторил он про себя, поглядывая на девушку. — Бац! — не понимая, как в одном существе может быть собрана вся прелесть мира.

Ее высокая тонкая шея, ее тонкие пальцы, стройные ноги в шурованных ботиночках, большие, несколько удлинненные глаза... Она была краса, как жемчужина, удлинненная, тонкая, вытнувшаяся...

«Добра дівчинка Олесь Соколовська? — спросила Софья Андреевна, наклонившись к уху Сергея.

Сергей не ответил и только вздохнул. Уже стемнело, но огня не заглажили. В наступившей темноте Сергей всматривался в белое пятно Олесиного лица, и чудовищный летящий взор лег ему в голову — похитить ее сейчас, взять ее в руки и унести, как Черномор Лодию, объяснить ей, что он генерал, что вскоре он проставится на весь мир, что все свои от крытия он посвятит ей, что отрет весь жилищный элемент и назовет его «Олесь», или отрет новую звезду туманности, или туманность Олеси... Он все глядел пристально в ее сторону, улавывая прелестные черты ее лица, стертые марком. Наконец, решившись, он сказал:

— Скажете, Олесь, вы в каком классе учитесь? — В доме повешенного на говорит о веревке, — ответил вместо Олеси Воронец.

— Так перестаньте, Виктор, — сказала Олесь.

— А почему о веревке? — Не дружит с математикой. — сказал Воронец. — и каждый раз остается на второй год.

— Ну и что ж, — сказал Сергей. — Конечно, ничего — ответил Воронец, — у нас на курсе есть один немец Раш, вот он, вроде Олеси, такой Ньютон, он однажды после лекции Букреева по дифференциальному исчислению пошел ко мне и влохуцко: знает в Центральной Африке есть пелье народы, которые понятия не имеют о высшей математике...»

Сергей невольно рассмеялся, но тотчас перестал и сказал серьезно:

«Ну и что ж, Толстой ведь тоже не знал математики, его на университетета Иккачили за это».

— Олесь, сколько было Толстых — спросил Воронец, — не знает? — Ну как же, Лев Толстой, он же стихи писал: «Люблю грозу в начале мая».

— Виктор, — спокойно сказала она, — зачем же вы за мной все ходите? Ну, я дура, и дура.

Воронец промолчал, и потому, как он влохуцко и ащевачился, Сергей понял, что он смущен.

— Что ж, будем спать? — спросил Варя. — Хватит, господа, на сегодня, — устало сказала Стах.

На мгновение сделалось совсем тихо, но в комнате не чувствовалось напряжения многих думающих в темноте людей, это была дремотная, покойная тишина.

тонкие пальцы, и голос, и ясные глаза, сердито по-детски глядящие на людей. Она была молчалива, застенчива и приволила в бешенство отца плохими успехами в науках: три раза за время учения оставалась она на второй год, и наконец, в пятом классе ее нагнала четырнадцатипятилетняя Пота, а Олесь шел уже восемнадцатилетия год. Черноглазый студент-политехнический Воронец всегда дразил ее, сиранивал, доблудно унижения, но когда Олесь молча вешивала на него свои ясные, сердитые глаза, у Воронца все внутри холодило, и он говорил:

— Да, с такими очками можно и без алгебры прожить.

В маленькой комнате, рядом с Софьей Андреевной, жил статистик, поляк Стах. В него было влюблено веткое множество киевских девиц, но равнодушным и денным Стах относился к своим почти теленным холодам: больше всего любил голубые подзакрыт прекрасные голубые глаза и подглядывая золотые выщипы волос, покачиваясь в тамеке.

Фельдшерница Доминика Федоровна басом говорила ему: — А таких красавцев отправляла бы в участок, чтобы не разбивали женских сердец.

А Гали Соколовская говорила подругам: — Когда вижу его рот, в обморок хочется упасть.

Ветером Сергея повели знакомиться с Софьей Андреевной и жилищем. В комнате Софьи Андреевны на стенах висели рисованные Стахом портреты Некрасова, Шевченко, Миткевича, Максима Горького. На столе шумел огромный медный самовар с вытканным боком и толстой напольной приная у основания крапа.

Знакомых с Сергеем, Софья Андреевна позвала ему руку мягкой телой рукой и сказала:

— Я с вашим отцом знакома, это ж прекрасный человек, чеховский земский врач, настоящий друг нашего бедного народа.

Сергей покашлял, смутился и ничего не ответил. После он слышал, как Софья Андреевна сказала тете:

— Какой чудный юноша, настоящий Вертер. Вот так шли на виселицу за народную волю.

Со столом сидели почти все жильцы Софьи Андреевны. Знакомых с ними, Сергей краснея, говорит описным голосом и образовало, когда прерванный его прихотливым разговором, возобновился. Софья Андреевна посадила Сергея рядом с собой и, углубя его прирагом с капустой, тихо рассказывала, как перед 1905 годом у нее собралась конспиративный социал-демократический комитет, и годичные комитетские собрания шли в горы пригорок с капустой и как приехавший из Петербурга член ЦК поздравлялся с ней, сказав: «Банки пригорок знамениты теперь по всей России, и о них слышал и в Туле и в Петербурге».

Потом она рассказала, что лютантальт лет тому назад у нее скрывался знаменитый землевладелец, которому угрожала виселица.

«Я тоже видел», — смеясь сказал политтехник Воронец, — рядом со мной стояла баба одна, торговка с Галицкого базара, должна была, она какого-то чернобородого ветника за царя приняла, как зарюпт: «Вот, вот он!» — точно вора уличила.

Его начали упрашивать декламировать стихи, и он вышел на середину комнаты, расставил ноги, потрясал себя за зуб и начал читать. Мягким тихим го-

совершенно тревая и проникнутая уважением любовь писателя к народу. Макар ни сколько не шкрякал, не принаряжал. Это не тот былинный мужик, который не сходил со страниц Златовратского и его последователей и у которого не было никаких недостатков, за исключением одного: нежизненности. В темного, исполненного суверей Макара читатель поверил. По вель Макар по существу протестант. Он бунтует против того социального строя, который превращает его во вьючное животное, он заявляет свое право на справедливость. И вот это ощущение, которое можно передать словами: «народ задален, угнетен, но он жив и он стремится к справедливости», — оно было и ново, и необычайно плодотворно в те годы.

Рамки газетной статьи не позволяют показать, что в основе всех без исключения художественных произведений Короленко лежит та же «макарская» формула. Правда, без всяких прикрас, писатель изображает забытых жизнью людей, но тут же показывает, как и в них неисторическое стремление к справедливости. Излюбленный момент в биографии корольковских героев — именно тот момент, когда они внезапно сбрасывают с себя ярмо смиренного. Где-то на дне души они всегда сохраняют в себе отблеск несоругимого убеждения их автора, что «человек создан для счастья, как птица для полета», и на это счастье они заявляют свое законное требование.

Литературная форма, которую постепенно выработал для себя Короленко, была в полной мере индивидуальна и своеобразна. Не подлежит сомнению, что он принадлежал к тому, хорошо знакомому русской литературе, разряду писателей, в которых внутренняя потребность в публицистическом высказывании по мере разрывания их литературной деятельности становится все настоятельнее. Писатели этого типа — они, как Глеб Успенский, в конце концов, свергнуты свою работу художника, и художественный образ, как таковой, ставят в явное служебное отношение к публицистическому замыслу. Другие, как Достоевский, занимаются публицистикой параллельно с художественным творчеством: «Дневник писателя» — с одной стороны; романы — с другой.

Владимир Галактионович Короленко выработал для себя ту форму повествования,

где публицистическая цель обнажена, где факты полны в их точных и реальных очертах, но где приемы изображения фактов, событий и положений — вполне художественные. Иными словами; он пишет не «картинки» жизни, где художник пользуется действительностью только как этюдом по своему произволу, а «портреты», где художник строго ограничен «натюром», с которой он пишет, но пишет эту натуру так, что она приобретает общее значение. Такое и крупнейшее произведение Короленко «История моего современника», такое его большой пилл «В пустаыных местах», таковы многочисленные очерки путешествий и встреч из русской и зарубежной жизни.

Закономерен вопрос: какова же ценность для наших дней тех портретов, которые писал художник когда-то, десятки лет назад? Отвечая на этот вопрос, необходимо прежде всего напомнить, что портреты, сделанные полными художником, сохраняют свою ценность и вне зависимости от того, что им служил «натюр». Ведь важную часть мы с жалким интересом рассматриваем «портрет неизвестного» работы великого художника. А кроме того, и это главное, «натюр» для Короленко служил русским народом.

Разглядел ли покойный художник свою «натуру» с достаточной ясностью и верно ли перелал ее главнейшие черты? Среди глубокого уныния в среде интеллигенции 80-х годов, среди внешне-интеллектуального разочарования в активности и жизнеспособности народа выступить, как это сделал Короленко, с портретами людей из народа, которые живы, несмотря на все усилия парского деспотизма, которые по-своему протестуют, двуются в справедливому социальному строю, выступать так — значило художественными средствами предсказывать революцию, приподнять краешек занавеса, за которой скрывалась перспектива ее грядущий сил. Надо прямо сказать, что именно наше время оправдало Короленко как художника и доказало правдивость его картин. Недаром свои воспоминания о Короленко Горький закончил тем, что сказал дело жизни Короленко с нашими днями: «Вся жизнь, трудный путем героя, он шел встречю לנו, и неслучайно все, что сделал В. Г. Короленко для того, чтоб ускорить рассвет этого дня».

М. АЛЕКСАНДРОВ

На перекладных

О ЖУРНАЛЕ «ИСКУССТВО»

Журнал «Искусство» издавна славился своей мелистельностью. Как свет погасшей звезды, доходят до читателя отелые книги этого двухмесячника.

Недавно вышедшая вторая книга «Искусства» открывает статью Д. С. Моора «Московские мастера сатиры». В статье глгоу упоминается какая-то выставка, обзор которой и пишет Д. С. Моор. Но какая эта выставка, когда она открылась, из статьи нельзя узнать. А была эта выставка во Всекохудожнике осенью прошлого года. Надо полагать, что только стыдливость помешала редакции об этом упомянуть.

В том же номере журнала, рассказанном пошечкам в июле, есть заметка: «В апреле в Государственной Третьяковской галерее организована выставка великого русского художника Левитова».

Так «на перекладных» и тамтих журнал. Лишь вкратке проснется ямщик, ливим повсюду огластит пустынную дорогу, и тогда насхеп подготовит переделове, врое той, которая опубликована в шестом номере за 1937 год. Перелова хоть куда: и успехи отмечены, и формализм обличается, и выставки (даже еще не открытые) поминуты, и художники похваляются аттестациями выданы Ола белз: во всем двухлетнем комплекте журнала переделова эта нешла никакого откланка. Не желает журнал всерьез заняться критикой современной живописи — это угодно, только не мы... Блгомин, мол, глгозей не выделяет!

Такая позиция журнала, естественно, вызывает беспокойство у художников. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что за два года ни один крупный живописец, ни один скульптор не писал в журнале (статья Моора—единственное исключение). Наши художники, как известно, охотно высказывают свои мысли в газетах и на страницах любимых изданий. Только в своем собственном журнале она «как в рот воды набрал».

Редактора «Искусства» О. Бескина это не тревожит. Три четверти каждой книжки своего журнала он обычно отводит под статьи исторического содержания, архивные публикации и «заготовки» таких искусствоведческих трудов, как «Черты рембрандта в творчестве Рейнольдса», или «Черты реализма в китайском искусстве». Современность же загоняется на задворки, в хлябй отелу пеняекий, где печатаются ваболатные попарелью случайные заметки.

Не надо думать, что в редакции некому писать критических статей на современные темы. С журналом тесно связана группа способных молодых искусствоведов (Дейшев, Нелопинин, Лебедев и др.). Но общая позиция редакции дает себя знать и в их статьях. Г. Нелопинин в статье «О характере искусства эпохи социализма» высказывает заслуживающие внимания мысли. Однако абстрактность статьи является прямым следствием того, что критик уклоняется от оценки конкретных явлений нашего изобразительного искусства.

Журнал привлекает молодых авторов, но молодость, как известно, еще не является гарантией критической добросовестности. Молодому искусствоведу Г. Корусунскому в № 5 за прошлый год было поручено дать обзор классического искусства испанского народа. Корусунский написал комплиментарный очерк и сделал все, чтобы исполнить задание редакции в целях самоутверждения.

Первым-де в России испанской живописью заинтересовался Стасов, кое-что написал Вьена, но все это фрагменты. «Мой очерк, — пишет Корусунский, — в некоторой степени должен затолкнуть пробел в русской искусствоведческой литературе». Далее по пунктам пространно разлагается тот переворот, который в наших представлениях должен произойти труд Корусунского. Никакого переворота, однако, не последовало, зато попутно выяснилось, что об испанской живописи писали многие, даже советские исследователи. Всех их наш молодой автор развлекло поучает: ошибался Лазарев, ошибался Си-

меловый, естественно, приходить к выводу, что «увлечение европейцев китайским искусством обосновано не столько научным интересом к экзотике, сколько ярким, но скрытым для неопытного глаза реализмом, которым китайский художник вылагает в своем творчестве».

Нам ло сях пор было известно, что эстетической «китайщиной» (явно искаженной основой классического китайского искусства) и в XVIII—XIX вв. увлекались самые реакционные течения европейского декоративного и садово-паркового искусства. Нам далее известно, что современный Китай победоносно сражается не только против империализма, но и против косности своего старого общественного уклада с его архаическими культурой и искусством. Кверрефельд, однако, думает иначе.

Надо отдать должное редакции. Не всегда ее доверие к авторам так жестоко наказывается. Хорошую, вполне современную статью о Версаппе написал во второй книге журнала за 1937 г. А. Лебедев; очень уместно появление в том же номере журнала статья В. Шубина об А. Бучури, одном из крупнейших наших художников, постоянно живущем в провинции; вполне удовлетворительный первый номер журнала за 1938 г., посвященный грузинской живописи. Наконец, из старых номеров особенно интересен сурковский.

Но и здесь не обошлось без конфуза. Сурковский номер журнала открывает малооригинальный биографический очерком Е. Котовой, в котором, без указания источника, целыми абзацами присвоены известные записи Волошина.

В этом очерке творчество великого русского исторического живописца ставится в прямую и непосредственную связь с движением народолюбцев.

Не так вульгарно истолковывает произведение Суркова в своем исследовании Н. Шекотов, но и он пытается возродить старый никчемный спор дореволюционной критики о том, за кого был Сурков в своем «Утре стрельцовой казни» — за стрельцов или за Петра? Напомним, что сам Сурков всегда решительно протестовал против такого плоско-тенденциозного истолковывания его картин. Н. Шекотов доказывает, что в «Утре»... «значительная только сторона стрельцая», что «любкой на стрельцов по характеристике насмерть быет образ Петра». Эту же мысль автор пытается подтвердить ссылкой на письмо Мурогского «о силе, которая ковернула черноем». В результате Н. Шекотов приходит к следующему выводу: «В лице Петра и его иностранцев показан (Сурков) то оружие «состава его просторного», каким история этот черноем ковырнула. Такое истолковывание замыслов Суркова, конечно, в корне ошибочно. Но в «Искусстве» уже давно установилась традиция любезной снисходительности к авторам: их рукописи печатаются в первоначальной нетронутиости.

Дело здесь не в особой тщательности, а в той неадекватности политике самоуправления от ответственности, которую проводит редакция. Ведь незаром в журнале, претендуем на руководство всей широкой областью теории и истории изобразительного искусства, за последние годы не была помещена ни одна рецензия на книги, отрывки из которых так охотно печатает тов. Бескин.

Совершенно не оправдано помещение в четвертой книге журнала за прошлый год статьи Кверрефельда «Черты реализма в китайском искусстве». Кверрефельд задает парадоксальную целью доказать, что искусство старое Китая «вносило элементы реализма в искусство западной Европы». Древняя китайская скульптура, оказывается, вляла на Микель-Анжело, на Леонардо да Винчи, на Альбрехта Дюрера и других мастеров Возрождения. Сделав это замечательное научное открытие, Квер-

ИСКУССТВО КЛОУНАДЫ

Был такой период в жизни цирка, когда с его арен изгонялось все яркое, веселое, красивое. В цирке зритель хочет видеть только то, что ему знакомо, воскликает горе-теоретиками циркового искусства. Зритель, мол, хочет любоваться на арене производственными процессами, артисты должны быть одеты в спелозажу. Цирковое действие должно происходить в привычной зрителью обстановке.

Смешно теперь доказывать вздорность этой неадекватной теории, но она существовала, и в угоду ей артисты снимали фраки и трико, одевали грязно-серые костюмы и изобразили, например, монтером, чинашкин провала и между делом показывающего акробатические трюки (Юговя—Баст).

В Магнитогорске дошли до того, что на арене строили каменную стену, демонстрируя образцовую кладку кирпича, сбоку стояли контролеры и фиксировали скорость и качество. А во многих цирках покуда выносили дюймовиков, которые на глазах у публики, этак минут в 45, изготовляли любую мебель.

Тогда-то и было решено, что клоуны ничего не дают зрителью, что их надо заменить так называемыми сатириками синеблузного типа. И так «сатирики» воцарились на цирковой сцене. Для того, чтобы стать таким сатириком, пожалуй, не требовалось ничего, кроме громкого голоса и нахальства.

Свой номер сатирики делают по раз навсегда установленному шаблону: сначала идет, так называемый, теоретический монолог, типа:

«Берегите заповоль высокие дымы. Чтобы их не обвал оудильный дым». И ли финала номера клуцеты или ча-стунки:

«Ох, уж эти автоматы. Сколько горя мыкали. Мы вот с милкой в автомате Три рубля протыкали».

Принцип создания сатирического номера весьма прост: персонаж положительный противопоставляется отрицательному. Положительный персонаж нахит и нахипен, поговорт, а вешает (цирковой Громов), отрицательный персонаж, наоборот — весел, развезен и на каждую реликвию имеет в запасе готовую шутку (цирковой Милич). В конце копов, положительный персонаж явно побеждает, а оба партнера читают какие-нибудь умилительные стишки.

Пока сатирики уныло развлекали циркового зрителя, о клоунах просто забыли. Получилось так, что некоторые клоуны продолжали заниматься тем же антра, которыми они смешили публику еще в каком-нибудь цирке Дротанкина, а другие «переставались» по образу и подобию «сатириков».

И вот теперь нам нужно заново созавать клоунаду. За исключением В. Е. Лазаренко, создавшего по существу совершенно особый жанр, у нас нет почти ни одного клоунацкого номера, который можно было бы принять за образец.

Старая клоунада была жизнерадостна, но в ней было много грубого, потросторного и низменного вкусам. В немногих сохранившихся клоунацких номерах это ощущается до сих пор.

Советская клоунада должна отбросить все напосное, грубое и приблизиться к настоящей народности. Современные авторы пишут для клоунов по большей части только репризы, иногда даже остроумные, но когда на арену влгоут выходят два человека и начинают изобретать в течение двадцати минут в остроумии, то в конце концов обязательно становится скучно.

Вернуть клоунаду к ее первоначальному виду, сделать так, чтобы каждый клоунацкий номер стал единой, цельной шуткой, это, конечно, важнейшая задача советского цирка. Темы для этих спенок должны быть всем знакомы и близки (хотя бы пародия на бытовые, спортивные, театральные и даже цирковые воинки). В эти спенки необходимо возить злободневные репризы, ибо клоунада без сатиры немисляма.

Ю. ДМИТРИЕВ.

С. ОБРАЗЛОВ

Куклы в новом доме

В июле прошлого года Государственный центральный театр кукол переживал трудные времена. У нас не было постоянного помещения, и казалось, театр вынужден будет прекратить существование.

И вдруг все изменилось. Мы получили прекрасный настоящий театр с зрительным залом, фойе, вешалками, с мастерскими и даже с фонарями у входа.

Мы и не мечтали о лучшем. За много веков своего существования кукольному театру не так уже часто приходилось иметь «свой» дом.

Итак, мы начали сезон. Отремонтировали помещение, оборудовали сцену, пригодную и для петрушек и для марionеток. Несколько комнат отдели под музей. О нем мы давно мечтали. До сих пор не было музея по истории и технологии кукольного театра. Теперь, пусть еще далеко не в совершенном виде, но такой музей существует. Часть экспонатов мы достали в Загорском музее игрушки. Маметы и фото нам предоставили периферийные театры кукол.

Мы организовали помощь самодеятельным детским кукольным театрам. Дали немало консультаций, часто устраиваем просмотры, выезжаем на места.

Мы помогли бойцам Московского военного округа организовать у себя кукольные театры. Сейчас эти спектакли пользуются в красноармейских лагерях большим успехом. В помещении нашего театра Всесоюзный комитет по делам искусств провел всесоюзную декаду кукольных театров. Из одиннадцати городов приехали 16 театров, показали 32 спектакля.

Декада принесла нам много пользы. Мы еще раз убедились, что успех и значение театра кукол зависит от правды и добротного репертуара.

Неадекват представлять дело так, что куклы, мол, «все могут» сыграть. Нет, они многого не могут. Но зато они способны дать свое. Мы не можем и не должны играть «Анну Каренину» или «Человека с ружьем». Это будет фальшиво, нелепо, это будет походить на пародию. Недаром же попытка сыграть такую пьесу, как «Поручанички», показанную на декаде, потеряла полную неулачу.

Это не значит, что кукольный театр должен избегать большой литературы. Он должен только находить свои сюжеты. Вот «Мистерия Бурфа», можно играть куклами. Можно ставить острый политический памфлет, научную фантастику, современную народную сказку, не бытовую, а романтическую.

Первая наша постановка в новом помещении была пьеса «Большой Иван» С. Преображенского и С. Образцова. Тема—освобождение народа от власти эксплуататоров. Тема современная, нужная, а сюжет вылагается так, что ни в каком другом театре, кроме кукольного, сыграть его нельзя.

«Большой Иван» — живой человек. Царь, поп, купец, генерал — куклы. Огромная змея, помогающая ослепить Ивана, сокол, приносящий Ивану в клетку живую волю, чтобы извлечь его от слепоты; в каком другом театре могут быть действительно реальными эти персонажи?

Сейчас мы заканчиваем работу над постановкой ершовского «Кольца-Горбушка», переделанного в пьесу В. Кирутозовым. Переделан «Кольца-Горбушка» тщательно. Сохранено очень много стихов Ершова, во вновь написанных стихах соблюдены лексикон, ритмические построения и характер рифм.

Антифашистские фильмы

Унылая улупа. мрачные дома. Десятки кричащих выскоек. Магазины, табачные лавочки, пивные. Типичная обстановка немецкого города. Все это декорация к антифашистскому фильму «Лагерь на болоте», который снимает режиссер А. Мачерет по сценарию Ю. Олеша.

Работа над фильмом приближается к кон-

Спектакль большой, в 3 актах и 10 картинах.

Постановка оказалась гораздо сложнее, чем мы предполагали. Хотелось сохранить и фееричную сказочность сюжета и одновременно замечательную ершовскую реалистичность. Это очень трудно.

Все время приходится опасаться, как бы не впасть в ложную, сусальную «волшебность», либо слишком «забыть». Помимо этого очень трудно было взготворить персонажей сказки. Марionетку — кита в позидном парстве пришлось сделать длиной в 2 метра, а Ивана, прилетающего к Мясну-Мясювичу, всего в 5 сантиметров.

«Кольцом» мы откроем зимний сезон. Следующий постановкой будет пьеса В. Подьякова «Путешествие в страннне-пространные страны». Пьеса опять-таки для театра кукол и в то же время, как нам кажется, очень современная и нужная.

Страны, в которые попадают герои, это «Сластения», «Бурляия» и «Бесидяппия», от которых ребята — «Болз» и «Иназ» —сперва прикидывают в восторг, а потом воочию убеждаются в том, что было бы, если бы даже дождь был сладким сиропом, если бы курение было обязательным и если бы всем разрешилось делать все, что вздумается.

8 октября на днях мы готовим большой спектакль по рисункам Кукрынских. Куклы будут большие, в рост человека. Мы сделаем их с таким расчетом, что их можно будет показывать даже на площадях. Следующей постановкой, вероятно, будет пьеса «Белый пудель» по Куприну.

В прошедшем сезоне мы играли в стапполяре по 2, 3, а по выходным дням и по 4 спектакля в день (помимо выездов в школы и районные клубы). Хотя спектакли рассчитаны на детей, наш театр посещало очень много взрослых.

В предстоящем сезоне мы непременно хотим поставить спектакль, специально рассчитанный на взрослых. По своим выступлениям на эстраде я знаю, что взрослые смотрят кукол очень хорошо, а опыт красноармейской самодеятельности показал, какую огромную политическую роль может сыграть театр кукол и в мирное и в военное время.

Драматурги плохо знают законы и особенности кукольного театра. То, что нам приносит, в большинстве случаев неудовлетворительно. За год я прочел свыше 60 пьес, и только 2—3 из них представляют материал, из которого можно сделать спектакль.

Мы очень внимательно работаем с пишущими для нас авторами. Но, конечно, этого мало. Если еще у нас в центре, в Москве, можно как-то выходить из положения, то периферия просто захлебается без пьес. Всесоюзный комитет по делам искусств предполагает провести конкурс на пьесы для театра кукол. Это сделать необходимо.

Сейчас на фабрике «Союздетфильм» совместно с режиссером А. Мазур я снимаю две четырехминутные цветные картины, два моих эстрадных номера «Планинского медведя», посвященного И. Д. Планину, и «Лабанеру».

Всегда возможно, что этот первый опыт окажется и неудачным. До сих пор мой номер был заснят только хроникой. Но я думаю, что и в кино куклы, которых ведет человек (не мультипликат), смогут найти свое место, смогут оказаться нужными.

Вскоре он выйдет на экран. Фильм скажет о жизни Германии в последние годы. Другой антифашистский фильм — «Семья Опенгейм», по роману Лиона Фейхтвангера, снимает в «Мосфильме» заслуженный деятель искусств режиссер Рошаль.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Антон Шварц

Лет десять назад в Москве, на подмостках Дома печати дебютировал молодой ленинградский чтеп Антон Шварц. Взвзши в руки афишки, мы прежде всего с удовольствием отметили хороший вкус чтепа. В программе был большой рассказ Бабеля «История моей голубяти», поэма Эдуарда Баргинского «Дума про Опанааса» и «Вшивая восточка» Олеша. Затем на сцену вышел молодой круглолицый человек, и, как только он начал читать, все еще раз образовалось свободным и совершенно непринужденным манером чтепа. В его чтении была задумчивость, простота, и видно было, как бережно он относится к авторскому тексту, не прибегая к театральзации, к внешним эффектам и навязчивой иллюстративности.

Прошло много времени, Антон Шварц стал известным чтепом, он выступает во всех наших крупных городах, его вечера всегда проходят с успехом.

Антон Шварц — не актер. Это сказано не в упрек и не в похвалу, а для того, чтобы сразу же определить особенности его дарования. В самом деле, до последних лет мы не знали, пожалуй, таких чтепов. Мы видели на сцене актеров, выступавших с чтением рассказов и стихов. Перед нами был не чтеп, а актер, играющий в одиночку, и незаром актеры выбирали большей частью монологи или рассказы, ведущиеся от первого лица. Нередко в тех случаях, когда актер читал произведение, написанное в эпическом духе, мы оказывались свидетелями затруднительного положения этого актера. Он не знал, собственно, что ему делать с текстом, который требовал не игры, а художественного чтения. Текст съезжал его, и унылый, талантливый актер чувствовал, что они оба мешают друг другу: актер — произведению и произведение — актеру. Играть роль? Но это нарушает правду и музыкальность повествования. Не играть? Но без игры актер не чувствовал себя

мастером, человеком театрального искусства, словно он просто хороший диктор и пишет картину без красок. В результате многие отличные актеры читали плохо, натянуто, напряженно. Быть просто чтепам или бояться, так как не видели в художественном чтении искусства. Положение было такое, что должна была появиться особая порола чтепов, которая была бы свое искусство не в игре, а в чем-то другом. Конечно, это не значило, что чтепы должны были явиться со стороны, они с успехом могли прийти из театра, но подлинным чтепом должен был оказаться тот, кто, выступая в качестве чтепа, не ставит механически перед собой театр, а освоит это искусство как особый жанр. Первым профессиональным чтепом был, пожалуй, Закушняк — отличный актер и блестящий чтеп. Однако Закушняк был хорошим чтепом не потому, что он был хорошим актером, а потому, что у него, кроме актерского таланта, оказалась и незаурядный талант чтепа, и он освоил новое и особое искусство художественного чтения.

Приглашаем к двум наиболее популярным по отношению друг к другу исполнителям. Первый — Игорь Ильинский, один из лучших представителей театрального чтения, второй — Антон Шварц, один из лучших представителей литературного чтения. Оба пользуются заслуженным успехом у публики, мы слушаем обоих с удовольствием, и причина их успеха в том, что каждый из них верен себе. Игорь Ильинский ставит, собственно говоря, спектакли, в которых он является единственным участником, исполнителем одной или многих ролей. Он берет только те произведения, в которых есть роли, где есть простор для игры. Например, его «Старосветские помещики» — не чтение, а спектакль, где Ильинский исполняет с успехом несколько ролей. Это милый, короткий спектакль, воспринимающийся,

но не как рассказ, а как исполнение. Мы видим, как приятно играет Ильинский роль Афанасия Ивановича Тостогобу, как удачно играет он и Цульхеру Иванову Тостогобуху, как создает еще третий образ, образ рассказчика — грустного воспоминателя. Каждый раз меняется голос, интонация становится и музыка и жест; всеми доступными ему оценочными средствами Ильинский лепит образ, создавая хорошо исполненную пьесу.

Но незаром жалуетса Ильинский, что ему очень трудно выбрать что-нибудь для исполнения. Он ищет в рассказе пьесу, а не каждый рассказ можно инсценировать.

Теперь обратимся к другому полюсу, на котором стоят вместе с Антоном Шварцем и Яхонтов, и актер Журавлев, и другие. Скажем поутно, что все, что находится между этими «полюсами», весьма спорно, а часто и просто неудовлетворительно. Можно назвать немало прекрасных актеров, которых неприятно видеть в роли чтепов. Они не играют и не читают, получают их то, ни се, ни рыба, ни мясо. В то время как Ильинский играет там, где можно играть, и инсценирует то, что можно инсценировать, многие актеры играют там, где надо читать, а не играть, и инсценируют то, что нельзя инсценировать, и потому они не инсценируют, а иллюстрируют. И вот с грустью наблюдаешь, как от литературного произведение остаются какие-то дымящиеся клочки. А иллюстративный способ раскрытия текста ужасен, он рассчитан на какого-то тупого зрителя. Вспоминаются дореволюционные гимназистки, выступающие на выпускном вечере с чтением стихов; «Заволь снит, молчит вода зеркальная».

— Заволь снит... — пропозносит сонно, как бы засыпая, гимназистка, — молчит вода зеркальная... — и ее рука изображает нечто воланое и зеркальное, —

только там, где дремлют камыши... — и в этом месте раздается какое-то дурное звукоподражание шумрящим камышам, — чья-то песня слышится прощальной... — и гимназистка как бы поет песню, а ее кивающая голова изображает прощание.

Эта ерунда, правда, в более рафинированном виде, существует и до сих пор. Антон Шварц ищет музыку в авторском тексте. Вот он вышел на астраду и начал:

— «В конце 1811 года, в эпоху нам достоянную, жил в своем поместье Ненародове добрый Гаврила Гаврилович Р...»

Это «Метель» Пушкина. Долго звучит прекрасный голос Антона Шварца, не прерывающий ни одной роли. В отличие от Ильинского он не переположается ни в Гаврилу Гавриловича, ни в Марию Гавриловну. Он просто читает, и иной бесхитривый слушатель мог бы сказать: «Что же это такое, как просто читать!» Но мы сразу же чувствуем, как верно, как интересно написал Антон Шварц тон для пелачи рассказа. Тепло звучит его голос, и есть в его интонациях что-то романтическое, мы чувствуем пушкинский абзац, пушкинскую фразу, пушкинское слово. Есть в голосе чтепа мягкая ирония — в самом деле, вы почувствовали, что ведь Пушкин-то рассказывает эту историю полшутки. Но в то же время чтеп дает нам понять, что история эта происходила в «эпоху нам достоянную», то есть в годы отечественной войны. Каким ликуево-торжественным, удовлетворенным, победным становится его голос, когда он доходит до слов: «Между тем война со старым было кончена. Полки наши возвращались па-за границы». Словно зазвучал вечер с чтением стихов; «Заволь снит, молчит вода зеркальная».

— Заволь снит... — пропозносит сонно, как бы засыпая, гимназистка, — молчит вода зеркальная... — и ее рука изображает нечто воланое и зеркальное, — только там, где дремлют камыши... — и в этом месте раздается какое-то дурное звукоподражание шумрящим камышам, — чья-то песня слышится прощальной... — и гимназистка как бы поет песню, а ее кивающая голова изображает прощание.

билось русское сердце при слове отечество!» Однако, чтеп Антон Шварц не забывает о главном тоне рассказа, о его мягкой иронии, этойкой небрежной ласковости, и читая о женщинах, чей «восторг... был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!»

И в воздуз чепчики бросали!... — Антон Шварц решаетса звукоподражать, но вдруг забываега, как восторженнад женщина, бросающая в воздуз чепчик, и это его единственное и выезанное среди марша звукоподражание — подлинная находка. Очень мало уворов в чтении Шварца. Чтеп не боится скутости, он не назойлив, его сила — в тоне, в одном-двух удачных подчеркиваниях. И хорошо удается Шварцу чтение стихов. Со стихами вообще бега: есть несколько способов чтения стихов: единственно благородным и верным кажется нам тот способ, которым пользуется Антон Шварц. Какие же первые способы? Первый способ — скандировка, которой пользуются поэты. Скандировка отпадает от слушателя содержание стихотворения, вас ублаживают, заставляя слушать только ритм и рифму, этот способ однообразен, в нем — неестественность, худолучность; он слишком условен. Вторым способом, совершенно противоположным первому, пользуются многие актеры, как бы стесняясь, что они читают не прозу, а стихи, и делаяющие все для того, чтобы стихи походили на прозу, чтобы перебить ритм и спрятать подальше рифму. Оба эти способа, на мой взгляд, порочны. Хотелось бы, чтобы многие поэты вслушались в чтение Яхонтова, Шварца, Журавлева.

Отлично читает Антон Шварц «Медное всадника». С самого начала вы чувствуете тревогу, обреченность. Слова пушкинские поэмы предстают перед вами как бы облаченные в траур. Плавню шестует стих за стихом, вы увлечены правдивостью тона, драматичностью повествования, но в то же время чувствуете неповторимый пушкинский стих, и гробы раскатываются в голове Шварца, когда он живописует «тяжелозвонокое скакание по потрясенной

мостовой». Умный чтеп, Шварц знает пелу пушкинской аллитерации. Он не нажимает, не выкидывает флаг с надписью «Здесь аллитерация Винаманна!», но вместе с тем дает понять читателю, на что способен великий, могучий русский язык, которым говорит национальный русский гений. Антон Шварц пользуется жестом не для того, чтобы иллюстрировать, — его руки не расуют, а говорят. Не желание пояснить то, что и без того ясно, приводит их в движение, а чувство.

Много можно еще сказать о достоинствах чтения Антона Шварца, но тогда не хватит места для описания его недостатков, а сделать это необходимо. В последнее время он иногда изменяет самому себе, он стал бояться своей скутости и начал кое-что театральзовать. Вдруг появилось слишком много мимики, и это плохо, так как она, во-первых, ему не удается, во-вторых, она ему не нужна. Он стал искать внешние украшения, испугавшись однообразия, между тем как его скутость вовсе не была однообразием. Потом он забыл, что его деятельность была еще и просветительской, а это было прекрасно. Он превосходно читает Державина в узком кругу, но почему-то боится, что публика не поймет, и включает в свой строгий репертуар кое-что низкоробное, астрадо-дешевое.

Шел человек правильно, трудно, и вдруг репал: «Дай-ка, я разок махну по легкой линии наименьшего сопротивления». А ведь я видел людей, которые после концертов Шварца отравлялись покупать стихи Тютчева, Маяковского, Баргинского.

С. ГЕХТ

«Дворянин — философ»

К числу редчайших изданий XVIII в. принадлежит книга, печатанная в 1796 г. в Смоленске под заглавием: «Дворянин-философ», «Аллегория».

Автор «аллегории», имя которого не указано — Федор Иванович Дмитриев-Мамонов (1727—1805), богатый помещик, типичная фигура «века Екатерины».

Дмитриев-Мамонов, действительно, отличался большими странностями. В молодости он был на военной службе и, дослужившись до чина бригадира вышел в отставку, поселился в своем имении и посылал себя «наукам и искусствам».

Наче план издания сочинений Шевченко на украинском, русском и других языках народов СССР, а также издание биографии поэта и монографии о нем. Решею обратиться к союзу писателей Казахстана с просьбой собрать материалы о пребывании Шевченко в ссылке.

Молодые писатели, поэты и драматурги Кара-Калпакки готовят к 20-летию комсомола специальный номер литературного журнала «Жинис ован» («Голос победы»), посвященный советской молодежи.

Недавно вышли из печати новые произведения чувашских поэтов и писателей. Вторым изданием вышла историческая поэма Эльгера «Под гнетом», изданы сборники стихов А. Эскелэ, И. Ивник.

Умер талантливый остинский поэт комсомолец Як. Хоэнев. Активных сотрудников журналов «Красный цветок» и «Махдуг» и переводчик на осетинский язык А. С. Пушкина и Ш. Руствалиев Хоэнев является также автором книги для детей «Лынная охота» («Социалистическая Осетия»).

Ленгослитиздат выпустил новое издание одного из лучших произведений Аполло Франка — «Остров пиявчиков». Иллюстрации к книге исполнены Я. Радловым.

В особом разделе даны образцы абхазского фольклора: «Песня о Сталине», мифологическая сказка «Наказанный поклонник», сказание «Любовь и дружба» и др.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник лучших произведений писателей орденской Абхазской Автономной Советской Социалистической республики. В книгу вошли: несколько стихотворений Дм. Гуляя и отрывок из его романа «Камачи», два рассказа Георгия Гуляя — «Отцы» и «Мустаф Чолокуа», стихотворения Ф. Канониди, Л. Квициния, В. Шинкуба, А. Сангулия и проза Н. Кюкосерия, И. Микана, Ив. Паскери.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихотворений современного грузинского поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов и прозы поэта А. Асатиани в переводе А. Асатиани.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Всесоюзный физкультурный парад на Красной площади в Москве 24 июля 1938 г. На снимке: группа физкультурников Украинской ССР на Красной площади перед началом парада.

Памяти В. Маяковского

На родине Маяковского в селе Багдади (близ Кутаиси) в день 45-летия рождения поэта 19 июля 1938 г. в Доме культуры состоялось многолюдное собрание, посвященное Маяковскому.

На собрании с докладом о Маяковском выступили гг. Магидиани, Цикладзе, Чохнедзе и другие. Доклады были посвящены воспоминаниям о детских годах поэта и о его семье. С чтением стихов, посвященных Маяковскому, выступил местный поэт Т. Дидиашвили. С большим вниманием отнеслись к выступлению рассказавшей в Багдади сестры поэта Л. В. Маяковской.

Собрание приняло резолюцию, в которой обращается с ходатайством в Верховный Совет Грузии организовать в доме, где родился поэт, музей Маяковского, присвоить Дому культуры в Багдади имя Маяковского и просить райисполком использовать суммы, выделенные из средств местного бюджета на реконструкцию дома, где родился талантливый поэт нашей советской эпохи.

Новый автограф Кюхельбекера

15 декабря 1934 года Вильгельм Кюхельбекер направил в цензурный комитет при московском императорском университете следующее заявление о возвращении славы и чести рукописей:

«От коллежского асессора Вильгельма Карловича сына Кюхельбекера. Прощение. Я представляю мною в цензурный комитет книгу под названием «Гилария»...

Коллежский асессор Вильгельм Карлович сын Кюхельбекер. Автограф написан на подлинке писчей бумаги коричневыми чернилами. Хранится он в Московском областном архиве в фонде Московского цензурного комитета. (Дело № 127, лист 17).

Книги стихов

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

«Голубь моего детства» — так называется маленькая книжка стихов Сергея Васильева, выпущенная Гослитиздатом.

Репортаж в лицах

Действие происходит 20 июля 1938 г.

1. В КАБИНЕТЕ РЕДАКТОРА Редактор (репортеру). Нужно показать работу секций союза писателей. Начните с прозаиков. Репортер. Ничего нет легче. Я пойду, а поговорю, я выясню и дам в газету...

Секретарь. Нет, товарищ Чичеров за столом. Репортер. Когда же он будет? Секретарь. Завтра. Репортер. Что же, товарищ Чичеров работает только через день? Секретарь. Какой странный вопрос! 4. В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ Репортер (усталым голосом). Поэтической секцией руководит тов. Сурков? Секретарь. Да, конечно. Репортер. Он здесь? Секретарь. Нет, он живет на даче. Репортер. Кто же его замещает? Секретарь. Его замещает товарищ Алтаузен. Репортер. Где же товарищ Алтаузен? Секретарь. На даче... Репортер. Позвольте спросить: товарищ Алтаузен руководит секцией — здесь или на даче? Секретарь. Ну, как вы не понимаете — сейчас летнее время, товарищи на дачах...

Н. СЕМЕНОВ

НА АКТИВЕ ГОСЛИТИЗДАТА

22 июля в Гослитиздате состоялось собрание актива, созванное в связи с окончанием следи дел старым руководством издательства вновь назначенному. За первое полугодие 1938 года Гослитиздат выпустил 4.360 тысяч экземпляров книг: в Москве — 3.201.000 экз., в Ленинграде — 1.159.000 экз.

только две книги из десяти запланированных. Не выпущено ни одного тома собрания сочинений А. М. Горького, Н. Г. Чернышевского, А. П. Чехова, Брюсова.

Годовой план Гослитиздата, о котором можно говорить лишь условно, так как издательство до сих пор не имеет утвержденного промфинплана, выполнен по листажу в первом полугодии на 36,5 проц: по Москве — на 32,7 проц, а по ленинградскому филиалу — на 47,8 проц.

Расчетчики из Гослитиздата безобразно расходовали средства: за редактирование Гейне — 1 рубль за строку, а при выпуске Шекспира, кроме общего редактора есть еще два редактора-специалиста, получающие также по 1 рублю за строку.

Портфель главной редакции издательства более чем в полтора раза превышает норму, если даже иметь в виду, что Гослитиздат полностью выполнит годовую план, против чего упорно говорит практика первого полугодия.

После вступительных докладов начались прения. Начало их было достаточно вялым. Сказывалось, может быть, не только утомление от полуденных докладов, но и высказанное тов. Фрейман разочарование, что ни один пункт резолюции предыдущего актива Гослитиздата, состоявшегося в апреле 1937 года, не реализован.

Главная редакция была как бы «государством в государстве». Она накапливала портфель вне зависимости от бюджетных ресурсов, плановых лимитов и т. п.

25 июля состоялось второе собрание актива Гослитиздата. В прениях выступили 14 человек и из одного московского писателя. Эта «областная изолированность» Гослитиздата от писательской общественности, проявленное последней равнодушие к собранию, было справедливо истолковано М. Сербургиным как результат отсутствия работы с писателями. Гослитиздат по отношению к литературе является лишь регистрационным центром и не влияет на регистрацию.

Для характеристики деятельности главной редакции Гослитиздата достаточно указать, как было принято им наследование издательства «Академия». Никто не позаботился проверить издания Академии, находившиеся в производстве или аматрицированные, рукописи были свалены в одну кучу и приняты огулом.

Т. Т. Рокотов («Интернациональная литература») и Ермилов («Красная новь») поставили вопрос о неправильном отношении Гослитиздата к журналирам, интересам которых совершенно не учитывались.

Совсем бесконтрольно работали редакция подписных изданий. По группе подписных изданий в этом году вышли...

Сегодня заключительное заседание актива, на котором выступит новый руководитель Гослитиздата тов. С. А. Лозовский.

Литературная газета

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. 2-20-95 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬ: Издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездинковский, 10.

По газетным столбцам

В районном центре Калининской области, в Завидово, открыт музей поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1818—1930).

На первом заседании Шевченковского областного комитета решено закончить постройку памятника в Киеве, установить памятник в Каневе и реставрировать дом, где жил Шевченко, устроить в нем музей. Перед правлением ССР СССР решено ходатайствовать о союзе в Киеве областного пленума.

Молодые писатели, поэты и драматурги Кара-Калпакки готовят к 20-летию комсомола специальный номер литературного журнала «Жинис ован» («Голос победы»), посвященный советской молодежи.

Недавно вышли из печати новые произведения чувашских поэтов и писателей. Вторым изданием вышла историческая поэма Эльгера «Под гнетом», изданы сборники стихов А. Эскелэ, И. Ивник.

Умер талантливый остинский поэт комсомолец Як. Хоэнев. Активных сотрудников журналов «Красный цветок» и «Махдуг» и переводчик на осетинский язык А. С. Пушкина и Ш. Руствалиев Хоэнев является также автором книги для детей «Лынная охота» («Социалистическая Осетия»).

Ленгослитиздат выпустил новое издание одного из лучших произведений Аполло Франка — «Остров пиявчиков». Иллюстрации к книге исполнены Я. Радловым.

В особом разделе даны образцы абхазского фольклора: «Песня о Сталине», мифологическая сказка «Наказанный поклонник», сказание «Любовь и дружба» и др.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник лучших произведений писателей орденской Абхазской Автономной Советской Социалистической республики. В книгу вошли: несколько стихотворений Дм. Гуляя и отрывок из его романа «Камачи», два рассказа Георгия Гуляя — «Отцы» и «Мустаф Чолокуа», стихотворения Ф. Канониди, Л. Квициния, В. Шинкуба, А. Сангулия и проза Н. Кюкосерия, И. Микана, Ив. Паскери.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихотворений современного грузинского поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта А. Асатиани в переводе А. Асатиани.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Издательство «Заря Востока» выпустило сборник стихов поэта В. Тагвианишвили в переводе Б. Брика, Б. Пастернака, П. Антокольского, Е. Сербургина и других.

Книжная хроника

В Гослитиздате вышла в хорошем издании комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Редакция текста — Н. Писахова, тираж книги — 10.000 экз., цена — 6 руб.

Вышел и распределяется между подписчиками очередной XII том полного собрания сочинения Салтыкова-Щедрина. В этот том вошли «Господа Головлевы» и «В среде умеренности и аккуратности». Тому предисловия статьи М. М. Эсен — «Мировой тип претельца и лицемера» и «Эволюция либерализма в эпоху 70-х годов».

В издательстве «Советский писатель» вышел сборник импрессионистских рассказов Г. Рыкина «Старые знакомые». Тираж собрания — 10.000 экз., цена 3 руб.

В Гослитиздате вышла пьеса Л. Никитина «Порт-Артур» тиражом в 3.000 экз. Цена 2 руб.

Издательство «Молодая гвардия» выпустило книжку Роме Беллаже «Когда сжимаются кулаки», перевод с французского Э. Шлоберга. «Когда сжимаются кулаки» — автобиографическая повесть молодого парижского рабочего, комсомольца Роме Беллаже. Это его вторая книга. Первая книга Беллаже «Мне двадцать лет» была издана в СССР. Автор в новом своем произведении рисует тяжелую участь рабочей молодежи в капиталистическом обществе, печальную судьбу молодого поколения, вступающего в жизнь без надежды на труд и на радость.

Ленгослитиздат выпустил том арабских сказок «Тысяча и одна ночь» в обработке М. Салье. В книгу вошли следующие сказки: «Алиша и волшебная лампа», «Али-Баба и сорок разбойников», сказка о рыцаре, сказка о волшебном коне, сказка об одноплеменном царевиче и сказка «Синдбад-Мореход».

Иллюстрации выполнены на французском издании арабских сказок 1882 г. Цена книги — 6 руб.

Государственное издательство «Искусство» предприняло в 1937 г. издание серии книг по истории портрета в мировом искусстве. Первой книгой, открывающей эту серию, является работа М. Аллатова «Очерки по истории портрета», изданная в конце 1937 года. В текущем году в серии «Портрет в мировом искусстве» выпущена книга В. В. Павлова «Скульптурный портрет Древнего Египта». На днях издательство выпустило третью книгу этой серии — В. М. Лазарева «Портрет в европейском искусстве XVII века». Тираж книги 5.000 экз., цена 12 руб. Все книги серии богато иллюстрированы.

Это же издательство в серии «Библиотека мировой драматургии» тиражом 20 тыс. экз. выпустило драму А. Н. Островского «Бесприданница».

В серии «В помощь начинающему художнику» издана книга Я. А. Башклова «Как научиться рисовать». Книга дает первоначальные сведения о технике рисунка, о материалах и принадлежностях для рисования, о значении набросков с натуры и т. п. Тираж книги 10.000 экз., цена 2 р. 75 к.

До настоящего времени в этой серии вышли три книги Ф. И. Рерберта — «Как научиться писать маслом», «Введение в перспективу» и книга П. Н. Старососова «Гравюра на линолеуме».

ПЕРВЫЙ ОБРАЗЦОВЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН МОГИЗА

В конце декабря в Москве в новом доме, который строится сейчас по ул. Горького, открылся первый в Советском Союзе и организованная обслуживания образцовый книжный магазин Могиза № 1.

Вот несколько цифр, дающих представление о новом магазине:

— площадь его — 1000 кв. метров, складские помещения — 850 кв. метров;

— по фасаду, длиной в 100 метров, будет расположено 19 витрин с выставкой новых книг;

— сто работников будут обслуживать потребителей;

— 40.000 названий книг — постоянный фонд магазина по всем разделам знания: наука, история, техника, сельское хозяйство, экономика, медицина, педагогика,

учебники, художественная, летская литература и ноты;

— продукная способность магазина рассчитана на 8000 человек в день и отступ до 10.000 книг в день.

В четырех больших торговых залах магазина покупатель встретит хорошие обслуживание — выставка новинок, консультация, библиографические справки и быстрое выполнение заказа, каталог, листовки.

Подать книг механизировано — со склада книги будут подаваться непосредственно в рабочее место продавца.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВНСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЯТИНСКАЯ.